

А.О. Эзизова¹, А.С. Боханова^{2*}, Б.М. Абиев³

^{1,2,3}Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Казахстан
(e-mail: a.azizova@iuth.edu.kz, a.bokhanova@iuth.edu.kz, abiev.b@iuth.edu.kz)

Функционально-семантическое поле лишительности в семейно-бытовом дискурсе

В настоящей статье представлен анализ и результаты исследования вербально-семантических средств выражения лишительной семантики в семейно-бытовом дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и описании языковых средств, репрезентирующих семантику лишения, утраты, ограничения и депривации в семейно-бытовом дискурсе. Актуальность исследования определяется необходимостью обоснования самодостаточного места функционально-семантического поля лишительности в системе функционально-семантических полей, а также значимостью изучения языковой репрезентации ситуаций семейного неблагополучия и домашнего насилия. Социальная значимость исследования обусловлена необходимостью выполнения социального заказа Республики Казахстан, направленного на искоренение домашнего насилия и повышение общественного внимания к данной проблеме. Материалом исследования послужили высказывания семейно-бытового дискурса, основанные на отредактированных исповедях женщин, подвергшихся домашнему насилию и различного рода лишениям. Достоверность полученных результатов обеспечивается проанализированным фактическим материалом, а также применением комплекса научных методов исследования. Доминирующими методами являются функционально-семантический анализ, коммуникативно-прагматический анализ и дискурс-анализ, позволяющие выявить особенности семантической организации и функционирования языковых средств в рассматриваемом типе дискурса. В результате исследования обозначены полевые компоненты функционально-семантического поля лишительности с учётом их семантической представленности и вербализующих данную семантику языковых средств. Установлено центробежное направление расположения выявленных средств от ядра и центра к периферии, что свидетельствует о самодостаточности исследуемого поля в тезаурусе полевых структур. Выявлено, что лишительная семантика реализуется не только посредством прямого обозначения потерь и лишений, но и посредством имплицитных конструкций, формирующих эмоционально насыщенную репрезентацию переживаемой ситуации. Существенную роль играют лексемы с отрицательной оценочностью, а также грамматические конструкции с модальными оттенками невозможности, безысходности и ограниченности. Данные языковые средства позволяют передать состояние угнетения, зависимости и депривации и раскрыть особенности вербализации травматического опыта в семейно-бытовой коммуникации. Воздействующая функция исследуемых средств преимущественно направлена на читателя и реализуется посредством обращения к высказываниям семейно-бытового дискурса. Полученные результаты имеют лингвистическую и социокультурную значимость и способствуют более глубокому пониманию способов языковой репрезентации домашнего насилия, лишений и социальной травмы.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, полевой компонент, каузатор, семейно-бытовой дискурс, вербализация.

Введение

Категория лишительности и спектр вербально-семантических средств ее выражения в виде функционально-семантического поля лишительности в настоящее время по-прежнему не вызывают существенного интереса в современной лингвистике. Несмотря на значительные отличия лишительной семантики от смежных с ней субстанций, сущность лишения трактуется учеными как феномен, идентичный отрицанию или отсутствию чего-либо у предмета лишения. Между тем на понятийном уровне языкомыслительной деятельности лишительная семантика представляет собой самодостаточный конструкт, отличающийся от вышеобозначенных семантических структур облигаторностью каузатора, то есть указанием на причину, в связи с которой произошло действие лишения.

Актуальность данного исследования основывается на необходимости выявления структурных компонентов в разного рода высказываниях, содержащих сведения о лишениях, и их вербального выражения. Это послужит эффективной доказательной базой для выдвигаемого постулата, согласно ко-

* Автор-корреспондент. E-mail: a.bokhanova@iuth.edu.kz

торому функционально-семантическое поле лишительности, основанное на соответствующей семантической категории, является самодостаточным конструктом.

Обозначенный лингвистический аспект актуальности исследования вписывается в аспект социальной направленности. Поскольку за основу анализа нами были взяты высказывания, извлеченные из текстов, формирующих семейно-бытовой дискурс, то применительно к действию лишения речь в них идет в большей степени о семейном насилии. Таким образом, необходимость исследования продиктована социальным заказом Республики Казахстан в виде Закона о бытовом насилии (от 15 апреля 2024 года), направленным на предотвращение бытового насилия.

Цель настоящей статьи — выявить и описать комплекс языковых средств, формирующих функционально-семантическое поле категории лишительности в семейно-бытовом дискурсе.

Предмет исследования составляют языковые средства пейоративной коннотативной окрашенности функционально-семантического поля категории лишительности в семейно-бытовом дискурсе как разновидности бытового дискурса.

Материал и методы исследования

В качестве основы анализа фактического материала были использованы медиатексты, содержащие исповеди лиц, претерпевших утрату, лишение в результате семейных драм. Из данных текстов, составляющих основу семейно-бытового дискурса, извлекались высказывания событийного характера, в которых в эксплицитной либо имплицитной форме обозначены причина, то есть каузатор, а также субъект и объект лишения.

Особой оговорки применительно к фактическому материалу требует следующий момент, касающийся достоверности анализируемого материала. Это связано с тем, что в последнее время в ряде стран отмечаются случаи фиктивной, симитированной демонстрации бытового насилия с целью набрать побольше «лайков» в Интернете. Для исключения такого рода материалов при их сборе мы ориентировались на интернет-источники солидных медиа-изданий и информационных агентств республиканского уровня, таких как Азаттық.kz, Sputnik Казахстан, Khabar.kz. Временной отрезок собранного материала представлен периодом 2024-2025 годов. Всего собрано около ста дискурсивных фрагментов текстов (языковых единиц). В настоящей статье проанализировано 27 фрагментов. Кроме того, в качестве вспомогательного инструмента нами использовался интуитивный метод, позволяющий распознать неправдоподобные материалы и оставить их за пределами исследования.

Основным методом сбора фактического материала явился метод сплошной выборки. С целью детализации отдельных данных спорадически использовался избирательный метод. Дополнительным источником фактического материала послужили словарные статьи, способствующие уточнению дефиниций отдельных лексем, участвующих в вербализации компонентов семантической структуры категории лишительности.

Источниками фактического материала послужили высказывания лиц, главным образом женщин, пострадавших от семейного насилия в виде увечья, лишения материального имущества, психических расстройств и др. В качестве дополнительных источников привлекались толковые словари русского языка.

Для достижения поставленной цели применялся комплекс научных методов и приемов исследования. Описательный метод использовался для характеристики и оценки языковых фактов. Прием лингвистического наблюдения позволил выделить в анализируемом дискурсе и сгруппировать по заданному критерию высказывания с лишительной семантикой. Метод функционально-семантического анализа применялся при выявлении дефиниций структурных компонентов, формирующих лишительную семантику семейно-бытового дискурса; метод коммуникативно-прагматического анализа — для определения воздействующей функции высказываний; метод дискурс-анализа — с целью выявления специфики коммуникативной бытовой среды лишения.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые описан комплекс языковых средств, формирующих функционально-семантическое поле лишительности в семейно-бытовом дискурсе. Это вносит существенный вклад в дальнейшее расширение и усовершенствование теоретической базы категории лишительности, поскольку предпринятый анализ вербализующих ее компонентов эффективен для раскрытия потенциала данной семантической категории как самостоятельного конструкта.

Практическая значимость произведенного анализа материала заключается в целесообразности применения полученных результатов в вузовской практике при изучении семантического и дискурса-

ного направлений лингвистики. Кроме того, отдельные полученные выводы могут послужить рекомендациями: а) при изложении медиатекстов, которые лежат в основе семейно-бытового дискурса; б) при составлении законодательных актов, касающихся семейных отношений.

Научно-методологическая база исследования включает обширный научный материал по следующим направлениям:

а) функционально-семантическое поле семантических категорий: работы А.В. Бондарко, Н.В. Самариной, А.С. Вишневого и других;

б) функционально-семантическое поле категории лишительности: труды Вяч.Вс. Иванова, Н.Н. Болдырева, О.В. Радчук, И.Д. Карповой, Б.Ч. Бижоева, А.С. Бохановой и др.;

в) бытовой дискурс — работы В.И. Карасика, М.Г. Чабаненко, З.М. Маллаевой, Т.А. Воронцовой, В.В. Дворянцевой, А.А. Загнетной, И.И. Минчук, В.А. Савченко, а также коллективная монография «Человек и его дискурс-4», авторы которой определенную ее часть посвятили описанию бытового дискурса;

г) семейно-бытовой дискурс: труды Н.О. Автаевой.

Теория функционально-семантического поля, подробно разработанная в трудах А.В. Бондарко, используется в исследованиях применительно к конкретным функционально-семантическим полям. В сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков функционально-семантическое поле посессивности исследует А.С. Вишневский [1]; как объект современной грамматики — Н.В. Самарина [2]. Опираясь на теорию А.В. Бондарко, эти и другие ученые выделяют в нем ядро, центр и периферию. Наиболее значимым применительно к настоящему исследованию является постулат, согласно которому в обобщенном виде функционально-семантическое поле следует интерпретировать как вербально выраженную структуру той или иной семантической категории. На основе сказанного предлагаем следующее определение данного феномена: функционально-семантическое поле — это структурированное в виде ядра, центра и периферии объединение лексико-грамматических единиц, базирующееся на определенной семантической категории с целью вербализации заложенных в ней смыслов. Исходя из данного определения можно констатировать тот факт, что функционально-семантическое поле лишительности воплощает в языковой системе семантическую категорию лишительности, формирующуюся на понятийном (семантическом) уровне языкомыслительной деятельности [3; 38].

На основании проведенных ранее нами исследований категории лишительности [4] можно утверждать, что она представляет собой самодостаточную семантическую структуру. Это позволяет не согласиться с мнением большинства исследователей, интерпретирующих ее как субкатегорию категории отрицания. Так, в работе О.В. Радчук лишительность рассматривается как один из оттенков отсутствия, причем в конструкциях, не содержащих каузатора [5]. Критерием же разграничения лишительной семантики служит сема 'каузатор', представляющая собой облигаторный ее компонент. Иными словами, категория лишительности включает следующие семы: необладание, невладение, каритивность, отрицание, лишение. Каузатор, являющийся неотъемлемой частью данного семантического ряда, указывающий на причину этого необладания, лишения, обуславливает самодостаточный статус рассматриваемой семантической категории.

Семантическая схема в словесном выражении выглядит следующим образом: 'кто-то каузировал, что кто-то иной не владеет чем-то' либо 'что-то, некое событие, явление каузировало, что кто-то не владеет чем-то'. Схематически базовая семантическая структура категории лишительности выглядит следующим образом:

'x обуславливает то, что у лишается и не имеет z-a',

где x — субъект действия лишения, у — прямой объект, подвергшийся этому действию, z — косвенный объект.

Наибольший потенциал в использовании доказательной базы лишительной семантики заложен в бытовом дискурсе и в его подтипе — семейно-бытовом дискурсе.

Следует особо подчеркнуть, что анализируемые нами тексты маркированы пейоративной коннотацией, поскольку в них излагается суть лишения в виде смерти, увечья, психических расстройств жертвы насилия. Существенную роль при этом играет использование инвективной и эмоционально-оценочной лексики, характерной для конфликтной коммуникации [6]. В то же время высказывания с мелиоративной коннотацией остаются за пределами предпринятого анализа. Безусловно, мы принимаем во внимание тот факт, что, выйдя замуж и попадая в другую семью, девушка под влиянием членов этой семьи лишается в том числе и определенных вредных привычек. Иными словами, в данном

случае отчетливо обозначается каузатор — влияние семьи. Вместе с тем, как представляется, в данном случае речь идет в большей степени не о действии лишения, передаваемом посредством глагола *лишить* и синонимичными ему глаголами, а о действии избавления с участием глагола *избавиться*. На семантическое различие данных глаголов указывают их словарные дефиниции: *лишить* — 'оставить без кого-либо, чего-либо, отнять что-либо у кого-либо' [7]; *избавиться* — 'спасти, освободиться от кого-нибудь, чего-нибудь' [7].

Анализ функционально-семантического поля лишительности в проекции на семейно-бытовой дискурс обуславливается прежде всего сущностью самого дискурса, значимой тенденцией которого является интегративный подход к исследованию. Согласно устоявшемуся определению ученых, дискурс представляет собой совокупность текстов в комплексе с их коммуникативно-когнитивными и социокультурными факторами, направленную на адресата с целью изменить его мнение и, как следствие, поведение [8].

Классификация дискурсов четко обозначена в исследованиях В.И. Карасика, который выделяет два основных их типа: а) персональный и б) институциональный. Критерием, положенным в основу данной классификации, является роль говорящего в процессе общения. Применительно к персональному дискурсу роль говорящего определяется его выступлением в качестве самостоятельной личности, а к институциональному — в качестве представителя определённого социального института [9; 5–20]. Актуальным для настоящего исследования является персональный тип дискурса, не случайно обозначенный ученым как личностно-ориентированный дискурс. В качестве подтипов данного типа дискурса В.И. Карасик обозначает два из них: бытовой и бытийный, которые следует разграничивать на основе их целеполагания и функционирования. Если для бытового дискурса, согласно ученому, характерно функционирование в обиходно-разговорной речи, следовательно, в диалогическом формате общения, то цель бытийного дискурса состоит в раскрытии внутреннего мира говорящего со всеми его смыслами, что способствует монологическому общению и передается главным образом в текстах художественной литературы и философского и психологического характера [9; 12–14]. Предпринятое нами исследование предполагает анализ функционально-семантического поля лишительности в рамках бытового дискурса.

Интерес представляет методологическая концепция исследования разных типов дискурсов, в том числе бытового, предложенная авторами коллективной монографии «Человек и его дискурс — 4». Она основана на принципе антропоцентризма, состоящем в акцентировании внимания на человеке говорящем [10].

Следует отметить, что при характеристике бытового дискурса ученые единодушно указывают на его диалогичность, приближенность к разговорной речи. Диалогическая природа бытового общения реализуется через систему речевых жанров, обеспечивающих кооперативное либо конфликтное взаимодействие участников коммуникации [11]. В частности, в исследованиях В.В. Дворянцевой он представлен как «коммуникативное событие между говорящим и слушающим, происходящее в процессе коммуникативного действия в контексте определенного времени и пространства». На основании этого ученый предлагает следующее определение данного феномена: «бытовой диалогический дискурс — это процесс (речевая деятельность) и результат (текст), транслирующий ситуации бытового общения, которые имеют как имплицитные, так и эксплицитные цели», предопределяющие выбор языковых средств [12; 12]. При всей актуальности предлагаемого определения, на наш взгляд, оно нуждается в некоторой корректировке, поскольку в нем не учитывается доминирующий критерий дискурса — воздействие на адресата. С учетом обозначенной корректировки предлагаем следующее определение бытового дискурса: совокупность текстов бытового характера в комплексе с их социокультурным фоном, направленных на адресата с целью изменить его мнение и поведение.

Доминирующую позицию в исследованиях бытового дискурса занимают работы, посвященные проблеме его функционирования в разных жизненных сферах. Она затрагивается в работах М.Г. Чабаненко, Т.А. Воронцовой, В.В. Дворянцевой, В.А. Савченко и других. Так, особенностям формирования и функционирования данного дискурса в молодежной среде посвящены исследования М.Г. Чабаненко [13]; в виртуальном пространстве: в сети Интернет — работы Т.А. Воронцовой [14], а в разного рода мессенджерах — научные статьи И.И. Минчук [15]. Исследования, посвященные функционированию бытового дискурса в виртуальном пространстве, основаны на выявлении его прагматических и стилистических характеристик. В них подчеркивается существенное отличие бытового дискурса в интернет-коммуникациях, представленного в виде монолога, от бытового дискурса в реальной коммуникации, который протекает в виде диалога [14; 52].

В ряде работ бытовой дискурс исследуется в аспекте прагматики. Так, в работах В.В. Дворянцевой представлена сравнительная характеристика русского и английского бытовых дискурсов [12]; с точки зрения применяемых стратегий и тактик он рассматривается в исследованиях В.А. Савченко [16], с прагматических позиций — в работах Т.А. Воронцовой [14]. Отдельные исследования посвящены жанровому своеобразие бытового дискурса [17].

Языковые средства передачи бытового дискурса затрагиваются учеными лишь sporadически. В частности, характерные для него речевые формулы описываются в работах З.М. Маллаевой. Причем данное исследование ограничивается анализом шангодинского говора аварского языка [18]. Стилистические языковые средства выражения бытового дискурса в сети Интернет обозначаются в упомянутом выше исследовании Т.А. Воронцовой [14]. Особенности использования обращений, просторечной и жаргонной лексики в английском диалоге на материале художественных текстов представлены в работах В.В. Дворянцевой. Ученый трактует эти особенности как «дискурсивное отражение негативного поведения личности в диалоге» [12; 17].

Как видим, согласно располагаемым данным, обозначенные исследования содержат лишь фрагментарные сведения о языковых средствах бытового дискурса, следовательно, не могут служить полноценным базовым источником для описания функционально-семантического поля, благодаря которому он формируется. Это в очередной раз подчеркивает значимость предпринятого исследования.

Неподдельный интерес вызывает семейно-бытовой дискурс. Его воздействующая функция проявляется в двух направлениях: внутреннем и внешнем, облигаторным компонентом для которых является адресат. В случае внутреннего направления вторым компонентом дискурса выступает участник диалога; при внешнем направлении — читатель. Речевое поведение участников конфликтного общения определяется спецификой коммуникативной ситуации и системой ценностных установок языковой личности [19].

Как уже отмечалось, разработкам семейно-бытового дискурса посвящены лишь отдельные исследования последних лет. Интерес, в частности, представляет работа Н.О. Автаевой, в которой производится его анализ на материале женской прессы советского периода [20].

Результаты и Обсуждение

Письменные тексты, на основе которых формируется семейно-бытовой дискурс, как правило, содержат причины насилия в семье или других проблем в семейных отношениях. Подобные коммуникативные ситуации обладают признаками конфликтного дискурса, реализуемого посредством различных стратегий и тактик речевого воздействия на адресата [21]. Использование дискурс-анализа, включающего в себя исследование развития события и связи между высказываниями, позволяет определить коммуникативную среду, в которой произошло действие лишения, и выделить следующие основные тематические группы данных текстов: 1) домашнее насилие; 2) устойчивость национальных традиций; 3) материальные блага; 4) статус замужней женщины [22–24]. Вербализация полевых компонентов функционально-семантического поля лихительности отличается широким спектром языковых средств.

На основе произведенного дискурс-анализа высказываний семейно-бытового дискурса можно утверждать, что воздействующая функция на адресата обеспечивается в них прежде всего путем акцента на причину действия лишения, то есть на каузатор. Это позволяет отнести каузатор как семантический показатель в совокупности с комплексом языковых средств его выражения к ядру функционально-семантического поля. По нашим наблюдениям, каузатор, формирующий лихительную семантику, как правило, излагается в эксплицитной форме, то есть путем использования вербальных средств коммуникации. Согласно проанализированному материалу, в семейно-бытовом дискурсе данный комплекс отличается разнообразием. Вербальное воплощение *каузаторов* как ядра функционально-семантического поля лихительности осуществляется путем использования разнообразных языковых средств.

Доминирующую позицию занимает словосочетание *домашнее насилие*, включающее предложно-падежную форму существительного в родительном падеже с предлогом причинного значения *от*, например: *Ежегодно от домашнего насилия погибают женщины и дети* (Азаттык.kz).

Достаточно часто каузатор передается существительными *рукоприкладство*, *побои*, в том числе предложно-падежной формой с предлогом *от*, воплощающей причинную семантику: *И вот тогда рукоприкладство из редких явлений стало переходить в систему наших отношений* (Sputnik Казахстан); *Ребенок умер в утробе от побоев* (Khabar.kz).

В ряде случаев вербализация каузатора осуществляется путем использования фразеологического сочетания *испытывать страх*, например: *из-за постоянных конфликтов в семье ребенок испытывает страх* (Азаттык.kz).

Значительное место в вербализации каузаторов занимают целостные высказывания, описывающие ситуации, вследствие которых произошло действие лишения. К ним относятся ситуации, связанные с соблюдением устоявшихся у народа традиций. Так, высказывание *у казахов не принято приходить домой после свадьбы* вписывается в конфликт между невозможностью терпеть постоянные побои мужа и несогласием отца принять женщину обратно в семью: (после избиения мужа) *Не выдержала этой боли, уехала к родителям. А у папы сложный характер. Он говорит, что у казахов не принято приходить домой после свадьбы...* (Sputnik Казахстан).

Достаточно употребительны высказывания, описывающие различные ситуации, которые можно в обобщенном виде представить как «лишение женщины свободы вследствие запретов мужа»: (Об унижении и насилии) *Чувствовала себя человеком, у которого нет личной свободы* (Sputnik Казахстан); (о муже) *Сидя за столом, постоянно напоминал о том, что мы живем в его доме и требовал ограничивать себя в еде, на которую он зарабатывал* (Sputnik Казахстан); *Он и не работал. Запрещал мне общаться с родственниками* (Khabar.kz).

Как свидетельствует проанализированный материал, центром функционально-семантического поля лишительности являются глаголы лишения *убить, избивать*. Об этом свидетельствует обширный фактический материал: *В 2023 году домашние тираны убили 69 женщин и семь детей* (Азаттык.kz); *Но нет, ничего не получалось, он не исправился, дальше избивал меня* (Sputnik Казахстан); *Я боюсь, что он просто меня убьет* (Sputnik Казахстан); (о знакомой, которая требовала от потерпевшей взять на нее кредит) *После третьего кредита она избивала меня и выгнала из дома* (Азаттык.kz). В ряде случаев семантика лишения жизни передается в имплицитной форме, то есть описательно, без участия анализируемых глаголов: *В той последней драке у меня не было выбора, я дала отпор, защищая свою жизнь... Его не стало* (Sputnik Казахстан).

Не в меньшей мере центр функционально-семантического поля лишительности обеспечивается благодаря вербализованным объектам лишительной семантики. На основе полученных данных к ним относятся женщины, на которых распространяется действие лишения, а также объекты недвижимости. В обобщенном виде первый из объектов в семейно-бытовом дискурсе представлен следующим высказыванием: *Судьбы Гульсым и Гульнур... во многом схожи. У обеих рано умерли матери, у них нет профессии и постоянного места работы* (Азаттык.kz). В отдельных изданиях приходящие в семью мужа невесты описываются как девушки, отличающиеся неуважением к старшим, отсутствием навыков вести хозяйство, пагубными привычками в виде курения и употребления алкоголя. Однако в большинстве случаев действию лишения в виде избиения, унижающего человеческое достоинство, подвергаются самодостаточные женщины. Поскольку в их откровенных рассказах речь идет от первого лица, то объект лишения передается с помощью личного местоимения 1-го лица единственного числа в форме косвенных падежей: *Я боюсь, что он просто меня убьет. Я даже уволилась с прежней работы, лишь бы он меня не нашел* (Sputnik Казахстан); (о подруге) *она избивала меня* (Азаттык.kz); *Сын отбирал у меня пенсию* (Khabar.kz).

Вторым из полевых компонентов анализируемого функционально-семантического поля, составляющих его ядро, являются объекты, представляющие собой материальные блага, прежде всего недвижимость. Большинство высказываний семейно-бытового дискурса передают действие лишения, связанное с утратой недвижимости, которая вербализована в них наименованиями разного типа жилья, а также словосочетаниями: *мать-одиночка с сыном-школьником живет в строительном вагончике... из-за нехватки денег* (Азаттык.kz); *Он не дает мне жить в комнате, которую мы совместно приобрели* (Sputnik Казахстан); *После третьего кредита она ... выгнала меня из дома* (Азаттык.kz).

Интерес представляют отдельные высказывания, типичным объектом в которых предстает материальное благополучие, заставляющее женщин смириться с лишениями в виде насилия, ради сохранения статуса замужней женщины. В таких случаях они не заявляют о насилии: *Проблема в том, что когда благополучные с материальной точки зрения семьи, они меньше заявляют о насилии, они не хотят терять свой благополучный статус с материальной точки зрения и поэтому мирятся и терпят это насилие годами* (Khabar.kz).

Периферийную часть функционально-семантического поля лишительности составляет субъект, который осуществляет действие лишения. Это обусловливается тем, что в проанализированных высказываниях он, как правило, не эксплицируется. В обобщенном виде данный субъект представляет

собой мужчину, совершающего насильственные действия. Спорадически в исповедях женщин он передается путем использования местоимения *он*, и лишь в отдельных случаях — словом *супруг*: (о муже-насильнике) *но однажды супруг потерял работу* (Khabar.kz); *спустя несколько часов он скончался* (Sputnik Казахстан).

Заключение

Итак, проанализированный материал свидетельствует о том, что функционально-семантическое поле категории лишительности в семейно-бытовом дискурсе формируется за счет совокупности семантико-языковых средств центробежной направленности. Полученные результаты исследования позволяют обозначить семантический и языковой набор полевых компонентов данного поля. Полученные данные также подтверждают значимость коммуникативного и социокультурного факторов при анализе межличностного взаимодействия и процессов речевого воздействия в современном дискурсе [25]. Его семантическое ядро составляет единственный компонент — каузатор действия лишения; а языковое ядро — слова *рукоприкладство*, *побои*. Ближнюю периферию в семантическом ключе составляют способы осуществления рукоприкладства, а именно: запрет жене общаться с ее родственниками, невозможность вернуться в родительский дом после свадьбы. Промежуточным периферийным компонентом является объект, на который направлено действие лишения, что в текстах передается с помощью личного местоимения *я* в разных падежных формах. Дальнюю периферию анализируемого функционально-семантического поля составляет субъект негативного действия, вербальное выражение которого ограничивается главным образом местоимением *он*.

Такая презентация полевых компонентов в проанализированных высказываниях, извлеченных из отредактированных медиа-изданиями исповедей женщин, обусловливается воздействующей функцией, составляющей сущность самого дискурса как лингвистического феномена. На этой основе предпочтению отдавалось презентации каузатора действия лишения. Значимым явилось также изложение способов данного действия и объекта, на который оно было направлено, что объясняет расположение данных компонентов в центре поля. Практически за пределами информационного пространства оказывается субъект действия лишения, презентованный как единый психотип. Его определенная изоляция, как представляется, объясняется самим жанром анализируемых текстов — исповедью потерпевших, сконцентрированных главным образом на себе и желанием изложить свои проблемы, таким способом воздействуя на читателя.

Вербализация обозначенных полевых компонентов осуществляется в анализируемом дискурсе путем использования комплекса языковых единиц, среди которых преобладают глаголы, передающие действие лишения, а также фрагменты текстов, выражающих причины этого действия. Представленные семантико-языковые средства составляют доказательную базу для утверждения самодостаточности функционально-семантического поля лишительности и соответствующей ему семантической категории.

Полученные выводы предполагают необходимость определенной корректировки изложения семейно-бытового дискурса в современных СМИ. Недостаток подачи материала видится в предоставлении самих исповедей в виде фактов и событий, вне сопровождающей реакции и интерпретации журналистов. Между тем данная интерпретация позволила бы усилить воздействие на читателя, предупредив возможные негативные последствия в будущем для лиц, оказавшихся в подобных ситуациях. Ожидаемый эффект в предотвращении семейных пороков заложен в законодательных актах, на достаточно высоком уровне разработанных в РК. Их неукоснительное соблюдение должно стать приоритетом в разъяснительной работе современного медиапространства.

Вклад авторов

Азизова А.О. — концептуализация исследования, методология, научное руководство, проверка результатов, обзор и редактирование рукописи.

Боханова А.С. — сбор и курирование данных, проведение исследования, формальный анализ, визуализация результатов, подготовка первоначального варианта рукописи.

Абиев Б.М. — ресурсы, участие в анализе и интерпретации данных, проверка результатов, редактирование рукописи.

Список литературы

- 1 Вишневский А.С. Структура функционально-семантического поля посессивности в русском и английском языках / А.С. Вишневский // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 12. — С. 205–215.
- 2 Самарина Н.В. Функционально-семантическое поле как объект изучения в современной грамматике [Электронный ресурс] / Н.В. Самарина // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2012. — Вып. 1. — С. 273–277. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17718693> (дата обращения: 20.01.2025).
- 3 Жумабекова А.К. Структура современного языкознания / А.К. Жумабекова, Л.Т. Килея. — Алматы: Улагат, 2015. — С. 37–40.
- 4 Боханова А.С. Категория лишительности в экономическом дискурсе (на материале газетных текстов): дис. ... д-ра гуманитар. наук (PhD) / А.С. Боханова. — Алматы, 2014. — 169 с.
- 5 Радчук О.В. Деривационные механизмы формирования семантики «отсутствия» адъективов в русском языке: лингвокогнитивный аспект / О.В. Радчук // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. — 2022. — Т. 57. — Article 2509. — <https://doi.org/10.11649/sfps.2509> (дата обращения: 20.01.2025).
- 6 Петрова Е.А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе / Е.А. Петрова // Вестник Уфимского юридического института. — 2022. — № 1(95). — С. 126–135.
- 7 Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азъ, 1992. — С. 37, 54. — Режим доступа: <https://www.ozhegov.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
- 8 Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк ван. — Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
- 9 Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград, 2000. — С. 5–20.
- 10 Человек и его дискурс — 4: коллективная монография. — М.: ИЯ РАН; Азбуковник, 2014. — 399 с.
- 11 Кошкарева Н.Н. Диалогические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса / Н.Н. Кошкарева // Вестник Челябинского университета. — 2014. — № 4. — С. 60–64.
- 12 Дворянцева В.В. Лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Дворянцева. — Краснодар, 2013. — 21 с.
- 13 Чабаненко М.Г. Бытовой дискурс как эксплициатор коллективной языковой личности молодежной коммуникации [Электронный ресурс] / М.Г. Чабаненко // Вестник КемГУ. — 2012. — Т. 4, № 4(52). — С. 201–205. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18970973> (дата обращения: 01.10.2024).
- 14 Воронцова Т.А. Бытовой дискурс в сети Интернет [Электронный ресурс] / Т.А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2021. — № 9(455), вып. 126. — С. 48–52. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21996463> (дата обращения: 20.01.2025).
- 15 Минчук И.И. Бытовой дискурс в мессенджере: глобальный и локальный аспект / И.И. Минчук // Национальные культуры в межкультурной коммуникации. — Минск: Колорград, 2018. — С. 135–143.
- 16 Савченко В.А. Коммуникативные стратегии и тактики в бытовом дискурсе / В.А. Савченко // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития. — Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2015. — С. 90–97.
- 17 Загнетная А.А. Жанровая система обыденно-разговорного дискурса [Электронный ресурс] / А.А. Загнетная // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. — 2020. — Т. 1, № 5(13). — С. 108–113. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057807> (дата обращения: 20.01.2025).
- 18 Маллаева З.М. Речевые формулы, обслуживающие бытовой дискурс шангодинского говора аварского языка [Электронный ресурс] / З.М. Маллаева // Язык и текст. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 26–35. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69145486> (дата обращения: 20.01.2025).
- 19 Иванцова Е.В. Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 66. — С. 27–44.
- 20 Автаева Н.О. Семейно-бытовой дискурс женской прессы советского периода [Электронный ресурс] / Н.О. Автаева // Знак: проблемное поле медиа-образования. — 2023. — № 1(47). — С. 53–62. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47912590> (дата обращения: 20.01.2025).
- 21 Васильченко Е.Е. Особенности реализации стратегий и тактик англоязычного конфликтного дискурса / Е.Е. Васильченко // Филологический аспект. — 2023. — № 12(104).
- 22 Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л. Дж. Филипп; пер. с англ. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
- 23 Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. — М.: Канон; РООИ «Реабилитация», 2008. — 544 с.
- 24 Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с франц. и португ. / под ред. П. Серио. — М.: Прогресс, 1999. — 416 с.
- 25 Суюнова Г.С. Онтология и аспектология межэтнической коммуникации / Г.С. Суюнова. — Павлодар: Научно-издательский центр ПГПИ, 2014. — 363 с.

А.О. Өзизова, А.С. Боханова, Б.М. Абиев

Отбасы-тұрмыстық дискурстағы тауқыметтің функционалды-семантикалық өрісі

Мақалада отбасылық-тұрмыстық дискурстағы айыру семантикасын білдіретін вербалды-семантикалық құралдарға талдау жасалып, зерттеу нәтижелері ұсынылады. Зерттеудің мақсаты – отбасылық-тұрмыстық дискурста айыру, жоғалту, шектеу және депривация семантикасын репрезентациялайтын тілдік құралдарды анықтау, жүйелеу және сипаттау. Зерттеудің өзектілігі функционалды-семантикалық өрістер жүйесіндегі айыру функционалды-семантикалық өрісінің дербес орнын негіздеу қажеттілігімен, сондай-ақ отбасылық қолайсыздық пен тұрмыстық зорлық-зомбылық жағдайларының тілдік репрезентациясын зерделеудің маңыздылығымен айқындалады. Зерттеудің әлеуметтік маңызы Қазақстан Республикасының тұрмыстық зорлық-зомбылықты жоюға және аталған мәселеге қоғамдық назарды арттыруға бағытталған әлеуметтік сұранысын орындау қажеттілігімен байланысты. Зерттеу материалы ретінде тұрмыстық зорлық-зомбылыққа және әртүрлі сипаттағы айыруларға ұшыраған әйелдердің редакцияланған сырласу мәтіндеріне негізделген отбасылық-тұрмыстық дискурстағы айтылымдар алынды. Зерттеу нәтижелерінің сенімділігі талданған нақты тілдік материалдың мазмұнымен, сондай-ақ қолданылған ғылыми әдістер кешенімен қамтамасыз етіледі. Олардың ішінде функционалды-семантикалық талдау, коммуникативтік-прагматикалық талдау және дискурстық талдау әдістері басым қолданылады. Зерттеу нәтижесінде айыру функционалды-семантикалық өрісінің семантикалық құрылымы мен осы семантиканы вербализациялайтын тілдік құралдар негізінде оның өрістік компоненттері анықталды. Анықталған тілдік құралдардың ядро мен орталықтан периферияға қарай центрифугалық бағытта орналасатыны белгіленді. Бұл ерекшелік зерттеліп отырған өрістің өрістік құрылымдар тезаурусындағы дербестігін көрсетеді. Айыру семантикасының жоғалтулар мен айыруларды тікелей атау арқылы ғана емес, эмоционалды тұрғыдан әсерлі мазмұн қалыптастыратын имплицитті құрылымдар арқылы да жүзеге асатыны анықталды. Тіріс бағалауыштық мәнге ие лексемалар, сондай-ақ мүмкін еместік, шарасыздық және шектеулілік модальдық реңктерін білдіретін грамматикалық құрылымдар маңызды рөл атқарады. Аталған тілдік құралдар қысым, тәуелділік және депривация жағдайын тереңірек жеткізуге мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелері отбасылық-тұрмыстық коммуникациядағы тұрмыстық зорлық-зомбылық пен әлеуметтік жаракаттың тілдік репрезентациясын түсінуге ықпал етеді.

Кілт сөздер: функционалды-семантикалық өріс, өрістік компонент, каузатор, отбасы-тұрмыстық дискурс, вербализация.

A.O. Azizova, A.S. Bokhanova, B.M. Abiyev

The functional-semantic field of deprivation in family and everyday discourse

The article presents an analysis and the results of a study of verbal and semantic means expressing deprivation semantics in family and everyday discourse. The aim of the study is to identify, systematize, and describe linguistic means representing the semantics of deprivation, loss, restriction, and deprivation-related experiences in family and everyday discourse. The relevance of the study is determined by the need to substantiate the autonomous status of the functional-semantic field of deprivation within the system of functional-semantic fields, as well as by the importance of examining the linguistic representation of family dysfunction and domestic violence. The social significance of the research is associated with the need to respond to the social demand of the Republic of Kazakhstan aimed at eliminating domestic violence and increasing public attention to this problem. The research material consists of utterances from family and everyday discourse based on edited confessional narratives of women who experienced domestic violence and various forms of deprivation. The reliability of the findings is ensured by the analyzed factual material and by the use of a set of research methods. The principal methods include functional-semantic analysis, communicative-pragmatic analysis, and discourse analysis. The study identifies the field components of the functional-semantic field of deprivation according to their semantic representation and the linguistic means that verbalize this semantics. The analysis demonstrates a centrifugal organization of the identified means, extending from the core and center toward the periphery. This distribution indicates the autonomous status of the investigated field within the thesaurus of field structures. The findings demonstrate that deprivation semantics is expressed not only through the direct designation of losses and deprivation but also through implicit constructions that create an emotionally intense representation of the situation. Lexemes with negative evaluative meaning and grammatical constructions conveying modal shades of impossibility, hopelessness, and limitation play a significant role. These linguistic means contribute to conveying states of oppression, dependence, and deprivation and reveal the ways in which traumatic experience is verbalized in family and everyday communication. The impact function of the analyzed linguistic means is primarily directed toward the reader and is realized through

the use of utterances representing family and everyday discourse. The results contribute to a deeper understanding of the linguistic representation of domestic violence and social trauma and demonstrate the linguistic and sociocultural significance of studying deprivation semantics in discourse.

Keywords: functional-semantic field, field component, causator, family-domestic discourse, verbalization.

References

- 1 Vishnevskij, A.S. (2009). Struktura funktsionalno-semanticheskogo polia posessivnosti v russkom i angliiskom yazykakh. [The Structure of the Functional-Semantic Field of Possessiveness in Russian and English]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 12, 205–215 [in Russian].
- 2 Samarina, N.V. (2012). Funktsionalno-semanticheskoe pole kak obekt izucheniia v sovremennoi grammatike [The Functional-Semantic Field as an Object of Study in Modern Grammar]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 2: Filologia i iskusstvovedenie, Vypusk 1, 273–277 — Bulletin of Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism, Issue 1*. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17718693> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 3 Zhumabekova, A.K., & Kilevaja, L.T. (2015). *Struktura sovremennogo yazykoznaniia* [The Structure of Modern Linguistics]. Almaty: Ulagat [in Russian].
- 4 Bohanova, A. S. (2014). Kategoriia lishitelnosti v ekonomicheskom diskurse (na materiale gazetnykh tekstov) [The Category of Deprivation in Economic Discourse (Based on Newspaper Texts)]. *Doctoral dissertation*. Almaty [in Russian].
- 5 Radchuk, O.V. (2022). Derivatsionnye mekhanizmy formirovaniia semantiki «otsutstviia» adektivov v russkom yazyke: lingvokognitivnyi aspekt [Derivational Mechanisms of Forming the Semantics of “Absence” in Russian Adjectives: A Linguocognitive Aspect]. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej — Studies in Polish and Slavic Philology*, 57, Article 2509. <https://doi.org/10.11649/sfps.2509> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 6 Petrova, E.A. (2022). Issledovanie invektivnoi leksiki v konfliktnom diskurse [A Study of Invective Vocabulary in Conflict Discourse]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta — Bulletin of the Ufa Law Institute*, 1(95), 126–135 [in Russian].
- 7 Ozhegov, S.I., & Shvedova, N.Ju. (1992). Tolkovyi slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az. www.ozhegov.ru. Retrieved from <https://www.ozhegov.ru> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 8 Deik van, T.A. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language, Cognition, Communication]. Bishkek: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene [in Russian].
- 9 Karasik, V.I. (2000). O tipakh diskursa [On Types of Discourse]. *Yazykovaia lichnost: institutsionalnyi i personalnyi diskurs — Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse* (pp. 5–20). Volgograd [in Russian].
- 10 (2014). *Chelovek i ego diskurs — 4: kollektivnaia monografiia* [The Person and Their Discourse — 4: Collective Monograph]. Moscow: Institut yazykoznaniia Rossiiskoi akademii nauk; Azbukovnik [in Russian].
- 11 Koshkareva, N.N. (2014). Dialogicheskie zhanry konfliktного i kooperativnogo tipov diskursa [Dialogic Genres of Conflict and Cooperative Types of Discourse]. *Vestnik Cheliabinskogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk University*, (4), 60–64 [in Russian].
- 12 Dvorjanceva, V. V. (2013). Lingvopragmaticheskie osobennosti bytovogo dialogicheskogo diskursa (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) [Linguopragmatic Features of Everyday Dialogic Discourse (Based on Russian and English)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Krasnodar [in Russian].
- 13 Chabanenko, M.G. (2012). Bytovoi diskurs kak eksplikator kollektivnoi yazykovoi lichnosti molodezhnoi kommunikatsii [Everyday Discourse as an Explicator of the Collective Linguistic Personality in Youth Communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University*, 4, 4(52), 201–205. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18970973> (Accessed: October 1, 2024) [in Russian].
- 14 Voroncova, T.A. (2021). Bytovoi diskurs v seti Internet [Everyday Discourse on the Internet]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki — Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences*, 9(455), 126, 48–52. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21996463> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 15 Minchuk, I.I. (2018). Bytovoi diskurs v messendzhere: globalnyi i lokalnyi aspekt [Everyday Discourse in Messaging Apps: Global and Local Aspects]. *Natsionalnye kultury v mezhkulturnoi kommunikatsii — National Cultures in Intercultural Communication* (pp. 135–143). Minsk: Kolordgrad [in Russian].
- 16 Savchenko, V.A. (2015). Kommunikativnye strategii i taktiki v bytovom diskurse [Communicative Strategies and Tactics in Everyday Discourse]. *Kollokvialistika i leksikografiia: tochki peresecheniia i perspektivy razvitiia — Colloquial Studies and Lexicography: Points of Intersection and Prospects for Development* (pp. 90–97). Abakan: Khakasskii gosudarstvennyi universitet imeni N.F. Katanova [in Russian].
- 17 Zagnetnaja, A.A. (2020). Zhanrovaia sistema obydenno-razgovornogo diskursa [The Genre System of Everyday Conversational Discourse]. *Lingvokulturnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialista — Linguocultural Education in the System of University-Level Specialist Training*, 1, 5(13), 108–113. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44057807> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].

- 18 Mallaeva, Z.M. (2024). Rechevye formuly, obsluzhivaiushchie bytovoi diskurs shangodinskogo govora avarskogo yazyka [Speech Formulas Used in Everyday Discourse of the Shangodinsky Dialect of the Avar Language]. *Yazyk i tekst — Language and Text*, 11(1), 26–35. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69145486> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 19 Ivancova, E.V. (2020). Rechevoe povedenie dialektnoi yazykovoi lichnosti v konfliktnykh situatsiiakh [Speech Behavior of a Dialect-Speaking Linguistic Personality in Conflict Situations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Tomsk State University Journal. Philology*, (66), 27–44 [in Russian].
- 20 Avtaeva, N.O. (2023). Semeino-bytovoi diskurs zhenskoi pressy sovetskogo perioda [Family and Everyday Discourse of the Soviet-Period Women's Press]. *Znak: problemnoe pole media-obrazovaniia — The Sign: A Problematic Field of Media Education*, 1(47), 53–62. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47912590> (Accessed: January 20, 2025) [in Russian].
- 21 Vasil'chenko, E.E. (2023). Osobennosti realizatsii strategii i taktik angloiazynchnogo konfliktnogo diskursa [Features of the Implementation of Strategies and Tactics in English-Language Conflict Discourse]. *Filologicheskii aspekt — The Philological Aspect*, 12(104) [in Russian].
- 22 Jorgensen, M.V., & Filips, L.Dzh. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Discourse Analysis: Theory and Method]. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr [in Russian].
- 23 Kasavin, I.T. (2008). *Tekst. Diskurs. Kontekst: vvedenie v sotsialnuiu epistemologiiu yazyka* [Text, Discourse, Context: An Introduction to the Social Epistemology of Language]. Moscow: Kanon; ROOI «Reabilitatsiia» [in Russian].
- 24 Serio, P. (Ed.). (1999). *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Moscow: Progress [in Russian].
- 25 Sujunova, G.S. (2014). *Ontologiya i aspektologiya mezhetnicheskoi kommunikatsii* [Ontology and Aspectology of Interethnic Communication]. Pavlodar: Nauchno-izdatelskii tsentr Pavlodarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [in Russian].

Information about the authors

Ainur Orynbasarovna Azizova — PhD, Acting Associate Professor, International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Kazakhstan. E-mail: a.azizova@iuth.edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1871-7398>

Aigul Serikbayevna Bokhanova — PhD, Acting Associate Professor, International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Kazakhstan. E-mail: a.bokhanova@iuth.edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9103-8428>

Bakytzhan Myrzakhmetovich Abiyev — Master of Philology, Senior Lecturer, International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Kazakhstan. E-mail: abiev.b@iuth.edu.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0240-3749>